

«МЫ БЫЛИ ГОТОВЫ ЛЕТЕТЬ БЕЗ МУЖЧИН»

К ЧЕМУ ГОТОВИЛИ ПЕРВЫХ КОСМОНАВТОК И ПОЧЕМУ НА ПИЛОТИРУЕМЫЕ СОВЕТСКИЕ КОРАБЛИ СОБИРАЛИСЬ ПОСТАВИТЬ СИСТЕМУ ПОДРЫВА, «ОГОНЬКУ» РАССКАЗАЛА ДУБЛЕР ТЕРЕШКОВОЙ — ВАЛЕНТИНА ПОНОМАРЕВА

18 сентября Валентине Пономаревой, космическому дублеру Валентины Терешковой, исполняется 80 лет. Валентина Леонидовна осталась в тени звездной «Чайки», хотя даже идея этого чеховского позывного принадлежала ей. В середине 1960-х «Валентина Вторая» опять готовилась к полету — командиром первого женского космического экипажа. Но судьба и на этот раз не дала ей шанса. Накануне юбилея она ответила на вопросы «Огонька».

— Идея отправлять на орбиту не только мужчин принадлежала помощнику главкома ВВС по космосу генерал-лейтенанту Николаю Каманину. Уже через восемь месяцев после старта Юрия Гагарина президиум ЦК КПСС поддержал предложение сформировать женский отряд космонавтов. Как вас отбирали?

— В опубликованных каманинских дневниках есть упоминание, что кандидаты набирали по аэроклубам, и ДОСА-АФ представил 58 личных дел авиационных спортсменов. После амбулаторной комиссии около 30 прошли тяжелейшее обследование в госпитале — с множеством анализов, исследований, кучей всяких проб и испытаний — на центрифуге, вибростенде, в барокамере. Потом была мандатная комиссия, после кото-

ра работала инженером-программистом. И заявление о том, что хочу в космос, я писала именно ему. Кстати, Гагарин возражал против того, чтобы меня взяли в отряд. Говорил, что нельзя рисковать жизнью матери.

— Вы в курсе, что Каманин писал в своих дневниках: «Пономарева покуривает».

— Я и сейчас покуриваю. Нашим куратором в части (зачисленные в отряд были призваны на срочную службу в армию. — «О») был полковник, начштаба Григорий Масленников. На очередном разборе он сказал: «Говорят, некоторые из вас покуривают». Валентина Терешкова, она была старшей группы, взвилась: «Нет. Этого не может быть. Никто у нас не курит». В общем, защитила нас, хотя, конечно, все знала.

— Валентина Терешкова — бывшая ткачиха из Ярославля. Ирина Соловьева — инженер с Урала. Жанна Еркина — учительница сельской школы в Рязанской области. Вы и лаборант столичного НИИ Кузнецова не смотрели на провинциалок сверху вниз?

— Этого не было точно. Мы чувствовали себя равными, все пришли из спорта, а это определяет многие качества человека.

— Каманин писал, что две Валентины — первые кандидаты на полет и что между ними уже заметно соперничество.

вать собой. В ЦПК (Центр подготовки космонавтов. — «О») приходили письма от обычных людей, которые предлагали отправить их на Луну, даже если вернуться будет невозможно. И в отряде космонавтов был человек, предлагавший лететь без возврата. Он сам мне это подтвердил. Кстати, в космосе он так и не побывал.

— После полета Гагарина его дублер Герман Титов сразу же получил орден Ленина, следующих дублеров

вместном полете двух кораблей — «Восток-5» и «Восток-6». Предложение Каманина обсуждалось на многолюдном совещании с участием представителей разработчиков, проходившем в ЦПК. Все выступили против, в том числе космонавты, причем весьма резко. Я чуть ли не единственная выступала «за», говорила, что полеты в космос теперь будут всегда, после «Востока» будут другие корабли и мужчины будут летать до конца времен, а следующего женского полета

Валентина Пономарева с семьей

награждали орденами Красной Звезды. Но про дублеров Терешковой «забыли».

— Нас терпели просто потому, что нужно было завоевать следующий приори-

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА ЛЕГКАЯ НА ПОДЪЕМ

Валентина Пономарева — космонавт-испытатель, полковник ВВС в отставке, кандидат технических наук. Родилась 18 сентября 1933 года в Москве. До зачисления в первый отряд космонавтов окончила МАИ, занималась в аэроклубе, принимала участие в авиационных парадах в Тушине. С января по май 1963 года готовилась к полету на корабле «Восток-6», была вторым дублером Терешковой. В 1965–1966 годах проходила подготовку в качестве командира первого женского экипажа (вместе с Ириной Соловьевой). В октябре 1969-го отчислена из женской группы космонавтов в связи с ее расформированием. До 1988 года в Центре подготовки космонавтов занималась разработкой вспомогательных методов управления сближением и стыковкой. Сегодня — руководитель группы истории космонавтики в Институте истории естествознания и техники. Автор книг «Неоткрытый космос» и «Женское лицо космоса». Имеет двух сыновей и внуков.

«Гагарин возражал против того, чтобы меня взяли в отряд. Говорил, что нельзя рисковать жизнью матери»

рой в первую женскую группу космонавтов зачислили пятерых.

— Что проверяла мандатная комиссия?

— Анкетные данные, подробности биографии. Тогда это было принято. Все мы были перепуганы этой мандатной комиссией. Впрочем, как и медицинской.

— Женщины из первого космического набора в самом деле подписывали некую бумагу, которая запрещала им выходить замуж и рожать детей?

— Никому и запрещать не надо было. Все усилия были направлены на то, чтобы подготовиться к полету. Правда, у меня к этому времени уже была семья — муж и сын Саша.

— Почему вас, женщину с ребенком, зачислили в отряд?

— Думаю, сыграла роль рекомендация Келдыша (Мстислав Келдыш, ученый, в 1961–1975 годах президент АН СССР. — «О»). Он был директором Отделения прикладной математики Академии наук, где

— Каждая из нас хотела пройти все испытания лучше всех. Ничего больше такого «надводного» соревнования не было.

— Мыслей о смертельной опасности самого полета не возникало? Вы же знали, что было заготовлено три сообщения ТАСС о запуске Гагарина, в том числе одно «трагическое».

— Наверное, мы были очень молодые и бешабашные. Сейчас думаю — как же решился на полет Гагарин? Следующим было легче: они знали хотя бы, что не столкнутся в космосе с чем-то неизвестным и ужасным, что заставит оцепенеть мозг.

— К 50-летию советской власти планировался полет на Луну. И космонавты написали «наверх» письмо, что готовы к полету, хотя к тому моменту состоялся только один удачный пуск беспилотного аппарата. Были даже желающие лететь «в одну сторону». А ради чего?

— Человек, чтобы совершить что-то важное и выдающееся, может пожертво-

тет в освоении комического пространства — первый полет женщины в космос. При том что сами первые космонавты очень нас опекали, и мы постоянно чувствовали их дружескую поддержку. Но и у них прорывалось: «Девчонки, и зачем вас сюда занесло?» Нашу группу хотели расформировать сразу же после полета Терешковой. Каманин не дал. Он еще перед госэкзаменом спросил нас, хотим ли мы остаться на гражданке или стать кадровыми военными. Мы посоветовались с ребятами-космонавтами, и они сказали — надо идти в армию. Вот это и сыграло решающую роль: мы стали кадровыми офицерами, списать нас было трудно.

— В своей книге «Женское лицо космоса» вы рассказали о поразительном факте. Оказывается, Каманин предлагал, чтобы в июне 1963-го в космос полетели сразу две женщины.

— Естественно, не в одном корабле, тогда это было невозможно. Речь шла о со-

не будет очень долго, а мы подготовлены и это обошлось государству в копейку. Но меня не услышали.

— В свое время ходило много слухов о том, что Терешкова неважно чувствовала себя на орбите. Но ведь Герману Титову, космонавту № 2, который первым провел в невесомости целые сутки, тоже было плохо.

— Он почувствовал себя неважно на четвертом витке. Его даже собирались экстренно сажать. Это уже позже выяснилось, что адаптация к невесомости занимает до семи суток. Но во время первых полетов каждой мелочи придавалось огромное значение. Известно было, что Валентина смогла выполнить не все пункты полетного задания. Но она не созналась в плохом самочувствии. Печать потом победно объявила: задание полностью, женщина-космонавт чувствует себя хорошо. Но тут же поползли слухи, обрастая, как это всегда бывает, разными фантазиями.

— У вас была еще одна возможность побывать на орбите — в середине 1960-х вам и Ирине Соловьевой предстояло полететь в космос вместе, на корабле «Восход».

— Это была идея Каманина. Судя по его дневникам, с Королевым он обсудил ее весной 1965 года. Королев отреагировал отрицательно: «Чтобы я еще раз связался с бабами!» Каманин возражал, что с «бабами» дело иметь надо, что экипаж Пономаревой — Соловьевой вызовет во всем мире не менее широкий отклик, чем полет «Восхода-2» (из него космонавт

ном Николаевым, когда они в тесном корабле провели на орбите 18 суток. И что пережил Алексей Леонов, выйдя первым в открытый космос.

— Да, его полет с Беляевым на «Восходе-2» в марте 1965 года только по счастью не окончился катастрофой — в открытом космосе скафандр Леонова раздулся из-за избыточного давления, и он не мог войти обратно в шлюзовую камеру. В том полете было еще несколько нештатных ситуаций, а в заключение отказала система автоматического управления спуском, и впервые спуск производился вручную.

Алексей Леонов впервые вышел в открытый космос. — «О»). Вспомнили о нас потому, что мы начинали проигрывать американцам в космической гонке и надо было прикрыть отставание полетом женского экипажа. Но нас это мало волновало, мы были счастливы.

О том, что это будет полет на корабле «Восход» продолжительностью 15 суток с выходом в открытый космос, Каманин объявил нам летом 1965 года. Я — командиром, Ирине Соловьевой предстояло выходить в космос. Мы были готовы лететь без мужчин. Началась подготовка. Потом, на втором этапе, Каманин подключил к нашей группе Кузнецову и Еркину, а Терешкова ее возглавила. Мы должны были полететь до середины 1967 года, но в мае 1966-го программу закрыли.

— Может, и правильно, что женщин не отправили в длительный полет на «Восходе»? Известно же, что было с Виталием Севастьяновым и Андрия-

н А пять лет спустя Андриян Николаев и Виталий Севастьянов, пробыв 18 суток на корабле «Союз», вернувшись на Землю, не могли даже стоять из-за атрофии мышц. Но мы с Ириной, даже если бы знали о последствиях, все равно полетели бы, не раздумывая.

— То, что касалось первых космонавтов и всей космической программы, было засекречено?

— Строжайше. Мои родители даже не знали, что я в отряде космонавтов готовлюсь к полету, мне разрешили открыться только мужу.

— А как при такой секретности вам удалось вести дневник?

— Я никогда не называла имен. И даже слово «космонавт» не писала. Дневники я вела с четвертого или пятого класса школы — у меня их была целая куча. Эта привычка помогла мне сохранить множество событий. Например, эпизод с примеркой «шарика» — так космонавты называли первый космический

аппарат «Восток» — у Королева на фирме: плотно пристегнутая к креслу, я из-за своего небольшого роста не могла дотянуться до тумблеров и выключателей. В нашей пятерке мы с Ириной были пониже, остальные трое — повыше. Всего на 2–3 см, но в корабле эта разница играла роль. Я просто из кожи вылезала, чтобы дотянуться до тумблера. И в конце концов — я хорошо это запомнила, настолько это было мучительно — все-таки смогла его включить самым длинным, средним, пальцем.

— Секретность — это наше все. Известно, что обсуждалось, не ставить ли на наш пилотируемый корабль систему подрыва.

— Это был просто навязчивый мотив нашей космонавтики — подрыв объекта, если он попадает на чужую территорию. На беспилотных «Востоках», когда их испытывали, систему подрыва поставили, и при отработке ракеты и корабля был один или два случая, когда ее использовали. Но в то, что на высоком уровне всерьез обсуждалось, ставить ли ее на пилотируемый корабль, поверить трудно.

— На орбите побывали уже больше 50 астронавтов из семи стран, из них больше 40 американок. А у нас слетали в космос всего три женщины.

— Я бы назвала это дискриминацией. Например, когда в августе 1982-го Светлана Савицкая полетела на орбитальную станцию «Салют-7», ее дублера Ирину Пронину готовили к полугодовой экспедиции в смешанном экипаже. И вдруг перед самым полетом без всяких объяснений заменили на мужчину. Помню, как было обидно и за себя, и за державу, когда в 1980-е Англия и Япония в качестве кандидатов на полет по программе международного сотрудничества прислали в Москву женщин.

Американки стремились в космос еще в 1960-е, но стали летать только после того, как началась программа «Спейс Шаттл». Официально все объяснялось так: теперь есть более вместительный и комфортабельный корабль, он обеспечит условия для жизни и работы женщин. Хотя дело в другом: невозможно стало отказывать женщинам в праве на самореализацию, прикрываясь заботой о них.

В отряде космонавтов

— В своей книге вы много писали о том, как болезненно первые космонавты реагировали на то, что приоритет в управлении кораблем у нас отдавался не человеку, а автоматам.

— Для нас это была действительно далеко не частная проблема. На корабле «Восток» бортовая автоматика все делала за космонавта. А вот у американцев, у которых корабль тоже был автоматический, с самых первых полетов много функций, особенно в нештатных ситуациях, возлагали на астронавтов. Причем они могли действовать самостоятельно, а не только нажимать кнопки по командам с Земли. Летчик Малкольм Карпентер из первого отряда астронавтов НАСА даже резвился на орбите: гонялся за облаком светящихся частиц перед иллюминатором. Причем перерасходовал топливо, из-за чего при спуске возникли сложности, и приводился далеко от расчетной точки. У нас нарушить инструкцию — преступление. На любое дей-

ствие, даже в нештатной ситуации, нужно было запрашивать Землю. Кстати сказать, для Алексея Леонова выход в открытый космос закончился благополучно еще и потому, что он решил действовать самостоятельно.

Американцы делали ставку на человека. А у нас человек на борту — винтик, за которого все решают на Земле. Это тормозило развитие нашей космической программы. Когда из-за отказа автоматики начали срывать одна за другой стыковки кораблей с орбитальными станциями, Мишин, ставший после Королева генеральным конструктором ОКБ-1, признал, что если бы больше доверяли космонавтам, то мы уже имели бы выполненные стыковки. Но вспомогательные методы управления — на случай отказа техники — порой даже не разрабатывались. Когда мы начали отставать от американцев, это был шок. Программу «Восток» в феврале 1964-го закрыли, хотя Королев хотел ее продолжить. А следующий корабль «Союз» продвигался очень медленно и трудно.

— Когда в апреле 1967-го на «Союзе-1» все-таки полетел Владимир Комаров, дублером которого был Юрий Гагарин, случилась трагедия — корабль разбился.

— В этом полете все сразу пошло по худшему сценарию, почти не было надежды, что корабль удастся посадить. В условиях ужасного стресса на Земле был разработан сложный алгоритм ручного управления, к которому космонавтов не готовили. Гагарин, который неотлучно находился в Центре управления, передал на борту инструкции. И Володя Комаров справился с задачей — вручную перевел корабль на траекторию спуска. Вспоминают, как у Юрия Алексеевича, всегда выступавшего против засилья автоматов, вырвалось тогда: «Что бы мы делали без человека? А вы все еще не доверяете космонавтам». Спуск Комаров обеспечил. Но когда при посадке оказалась парашютная система, ничего сделать не мог.

— Первых советских космонавтов раздражало то, что американцы не скрывали своих космических сложностей, а у нас вместо достоверной информации — пропаганда или ложь.

— Раздражало — не то слово. Отказ системы ориентации «Союза-1» обнаружился в самом начале полета. Возникла реальная угроза, что его не удастся спустить на Землю. При этом ТАСС регулярно сообщал, что «все системы корабля функционируют нормально». Три года спустя, в апреле 1970-го, когда произошел отказ в системе энергоснабжения на «Аполлоне-13», об аварии сразу же сообщили в СМИ. Семь суток трое астронавтов находились между жизнью и смертью, а Америка переживала за них. Мы тоже следили и вспоминали, как наш погибший Владимир Комаров, не зная, сможет ли вернуться на Землю, «передавал приветствия».

У нас не сообщили ни о том, что Леонов с трудом вернулся на «Восход-2» из открытого космоса, ни об аварийной ручной посадке этого корабля. А когда наконец поступила информация, что Леонов и Беляев благополучно приземлились, газеты сообщали: космонавты чувствуют себя хорошо и «отдыхают на обкомовской даче». Хотя они двое суток просидели в снегу — приземлились в глухой тайге в Пермской области. ■■

Беседовала Наталья Давыдова